
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Сергей Мурашев

(д. Малая Липовка, Архангельской обл.)

РАССКАЗЫ

Родился в Архангельске, но с младенчества живу в деревне Малая Липовка Вельского района Архангельской области. Неполную среднюю школу окончил в родной деревне. Среднее образование получил в Вельске. Работал дворником, кладовщиком. Публиковался в районных и областных газетах и журналах, в московских журналах: «Наши современники» и «О, русская земля». С 2007 года член СП России, с 2008 года — студент Литинститута имени А. М. Горького.

ЗА ЧУЖОЙ СЧЕТ

1

Который уже раз в районной газете можно было найти объявление: «Продается хороший дом в д. Ильменьге. На берегу реки. Адрес: область, район, п-о Ильменьга. Индекс: *****. Клавдия Андреевне Сухаревой».

...Клавдия Андреевна, или попросту, по-деревенски, Клавка Хромая, хромой была от рождения, и много натерпелась от своей болезни... Ее долго никто не брал за муж, а когда, наконец, «выпало счастье» с сорокапятилетним мужиком, стало совсем тяжело. Муж ее бил, часто, даже зимой, выгонял из дома, звал сукой хромой...— молодая Клавдия все терпела.

К шестидесяти годам муж умер, и единственную дочку она доучивала сама. Именно к ней, если продаст дом, и хотела уехать Клавдия. Дочка была ее упоительной радостью: она удачно вышла замуж, работала на хорошем денежном месте и родила трех, подрастающих уже, детей.

На деревне одни бабы говорили, что надо в объявлении написать про рыбу, про грибы, про ягоды — другие кричали на них, что где Клавка столько денег возьмет... — каждая буковка денег стоит.

Почти все мужики сошлись на том, что жить в такую глушь все равно никто не приедет, поэтому дом не купят; разве что какой дачник.

Однажды ранней весной Клавдия приковыляла к соседям.

— Приехал ко мне покупатель...— сказала она еще в дверях.
— Кто?
— Не знаю, то ли моряк какой-то, то ли рыбак. Пенсионер уже, собирается жить...— Клавдия, тяжело отпихиваясь, присела на лавку около печи.— Молочка вы бы, Лида, не налили для гостя... Я и денежки принесла...
— Ладно, ладно, Клавдия Андреевна... А какой он?
— Знаете, такой еще моложавый, сам все время улыбается, приветливый.
— И точно уже покупает?
— Все, все, место очень понравилось, дом понравился... Только цену не обговорили... А если надумает молочко брать, я на вас, Лида, скажу.
— Хорошо, Клавдия Андреевна, хорошо — скажите.
— Пойду я, а то ждет. До свидания, Лида.
— До свидания.

Пока хозяйка ходила за молоком, гость уже переделся в фуфайку, штаны и шапку-ушанку, которые дала Клавдия.

— Как раз вам в пору, а я молочка принесла.

— Холодно сейчас молочко пить... А почему у вас молочко? — он опять широко улыбнулся, показав красивые ровные зубы.

— Недорого совсем, вот у соседей можно брать... Холодно — печку надо истопить. Я уже два месяца здесь не живу. Только бумагу прожжем, а то задымит.

...Клавдия Андреевна уже давненько не жила дома, как зарезали последнего барана, и стали кончаться дрова. До лета она переехала к сестре. А там видно будет...

Еще на рассвете Клавдия Андреевна пошла за обещанными деньгами: хотелось скорее отдать все долги, заказать с кем-нибудь билеты, хотелось к дочери... Вчера гостя никак не удалось позвать на ночевку к сестре, остался раскладываться. Но ничего, угореть не должен.

В доме уже топилась плита, на ней что-то шипело. «Хозяйственный»,— подумала Клавдия Андреевна.

— Здравствуйте — я пришла.

— За деньгами пришли, хорошо. Я уже все приготовил: вот, пожалуйста, пересчитайте.

Раньше Клавдия Андреевна всегда считала, но последнее время ей нравилось доверять людям.

— Ладно, не надо,— сказала она.

— Нет, пересчитаем. Смотрите,— гость по бумажке переложил всю пачку и отдал Клавдии Андреевне. Та сровняла на столе и, стесняясь того, что берет деньги, завернула их, в специально принесенную, газету.

— Потом, может, сестра моя придет, я-то уеду. Поможете ей вот эту кровать-полуторку вынести? Будьте добры!.. У нее летом опять Леша с Леней приедут, а спать негде, ладно?

— Нет.

— ...Почему нет? — испуганно засмеялась Клавдия непонимающим старушечьим смехом.

— Вы, Клавдия Андреевна, дом продали — и, значит, выносить ничего не будем,— гость расплылся в улыбке.

— Да куда вам, хватит тут кроватей...

— Пригодится, пригодится, Клавдия Андреевна. Сначала кровать, потом диванчик... Выносить ничего не будем,— и снова улыбка. Так и запомнился Клавдии гость. На голове шапка-ушанка, завязанная сверху, красивые ровные зубы и широкая улыбка, обволакивающая все лицо.

Клавдия Андреевна не стала больше спорить — она немало пожила, немало видела разных людей. Зачем тратить нервы? Много ли ей теперь надо? Гость быстро выхлопотал и оформил все бумаги. На следующий день после этого, Клавка Хромая уехала. Моряк (именно так и стали называть его в деревне) быстро обжился. Через неделю он уже сидел в перевозной будке-избушке бригады колхозных мужиков, валивших лес в делянке, и договаривался насчет дров. Он доставал из своей большой красной сумки бутылку, за бутылкой, сало.

— У меня этого добра...— говорил Моряк.— Заходите, если надо. В магазине, пожалуй, кусается?! А если что сделаете — мгновенный расчет! — Он взмахнул ладонью так, словно хотел отрубить кому-нибудь голову или сбить горлышко бутылки.— Мне сделают — я сделаю.

— Ну, держим.

— ...Да, да, мужики, пейте... Ну что, Рома, завтра дрова сделаете?

Пьяный, оглупевший от вина, бригадир Роман кивал головой и издавал мычащие, неизвестные до этого звуки согласия.

После обеда, бригада не вышла на работу. Мужики были довольны, они пили за чужой счет, но, видно, не знали, что счет этот им еще предьявят.

Жена Романа, Ира, еще ни разу не видела мужа смертельно пьяным и, не ругаясь, уложила спать. Раньше Роман почти совсем не пил. Примером ему в этом служил отец. На свадьбе подружки, завидуя, шептали: «Повезло тебе, Ирка,— непьющий, некурящий». Но после смерти отца, с самым близким человеком Иры что-то случилось, что-то сломалось внутри... вернее, стало изнашиваться. И вот, за несколько лет изменилось. Ира вспомнила, как в эти новогодние праздники Роман открыл форточку и несколько раз крикнул в темноту: «В будущий год будем встречать миллениум, конец света!»

На следующий день после пьянки трактор с избушкой колхозных лесорубов изменил свой обычный маршрут в делянку и остановился напротив дома Моряка. Роман вылез и хотел зайти за бутылкой, но Моряк уже ждал у дверей. Бригадир обернулся назад, мужики стояли около избушки и курили, перетаптываясь на месте.

— Ну что, Рома? Дрова вот сюда привезете, притяните ближе к дому. Не забудьте только пару сушин. Хлыстами ведь?

— Пузыря дай, опохмелиться.

— А сделаете?

— Да все я сделаю — пузыря дай! — зло ответил Роман и снова оглянулся на мужиков.

Моряк, в обычных для него теперь латаной фуфайке и ушанке, суетливо забежал на веранду и сразу же вернулся с двумя бутылками. Роман взял обе...

Работа сегодня у лесорубов не ладилась. Часто перекуривали, ходили пить чай, водка давно уже кончилась.

Вечером к дому Моряка трелевочник приволок здоровую пачку берез. А Романа, опять пришедшего домой пьяным, ругала жена. Он огрызался, бурчал что-то. Ира плакала и, наконец, утирая слезы, ушла на кухню...

«Хорошо, что сегодня выходной»,— подумал проснувшийся утром Роман. У него болела голова, тело ныло.

— Полоскать пойдем! — бросила проходившая по комнате Ира.

«Хорошо, что сегодня выходной»,— снова подумал Роман,— за выходной отойду. Вставать надо». Он встал, оделся, тяжело пыхтя, сначала попил чаю, потом молока... Накинув суконный пиджак, вышел на улицу и молча потащил к реке приготовленные женой санки с бельем. Ира, казавшаяся Роману надзирателем, шла сзади.

Дорога к реке проходила как раз около дома Моряка. Вчера привезенные дрова

уже кто-то пилил... Пилил Сашка, если можно так сказать, младший друг Романа, недавно пришедший из армии.

Когда Роман поравнялся с Сашкой, тот заглушил пилу, схватился за чурку — откинул.

— Здорово!

— Здорово!

— Что, калымишь!? — у Романа внутри что-то подскочило к горлу, он обернулся на жену.

— Ага...

2

Дома у Романа не было денег. Ира изводила его насчет этого и отправляла занять к брату. Роман пошел, когда уже почти стемнело и пора было ужинать.

Стояло начало апреля и, наконец, потеплело: с крыш бежало, на дорогах снежная слякоть. Вечером идти плохо — ничего не видно. Над головой нависло тяжелое черное небо.

Денег у брата не оказалось; на обратном пути Роман зашел к Моряку. Тот сразу поставил.

— Мне дрова, которые ты привез, Александр и распилил, и расколол — приложить только осталось. Я с ним все, хорошо расплатился, а вчера он мне пилу приволок. За три бутылки, плохо что ли?.. Правда, шина кривая, но шинку-то найдем, да и новень...

(...Бизнес Моряка процветал: каждую неделю ездил он за водкой в город. Почти все покупали у него, так как было дешевле. К нему несли и вещи. На деревне Моряка костили, его водку-отраву ругали, но все равно покупали. Пополз слух, что Моряк продает и школьникам. Роман к Моряку не ходил, только давал деньги кому-нибудь, чтоб купили...)

Роман сам наливал себе и глотал одну за другой стопки, тупо смотря, на что-то говорящего Моряка: тот не пил. «Он, гад, не пьет. Нас спаивает, а сам не пьет. Пилу у Сашки забрал, на которую я денег... давал. Надо ему...»

Вдруг до Романа донеслось:

— Вы мне, Рома, хлевок под теленка срубите? С мужиками там договоришься. У меня уже все — лесобилет выписан. Вы там сами вырубите, окорите, все что надо, потом на пилораму плах закажем, досок. Все мне под крышу подведете; я хорошо заплачу... Вот аванс дам. Я, Роман, на тебя надеюсь! Роман схватил положенные на стол деньги, сунул в карман и выбежал на улицу.

Он шел, спотыкаясь и падая в лужи, потерял шапку. Запутавшись в деревне, забрел в Сашкин дом. На стук, в коридор вышла Сашкина мать. Роман, качаясь перед ней, и, видимо, не понимая, почему вышел не друг, бубнил:

— Сашку, Сашку мне, Сашку мне...

— Иди, Сашка, сам разбирайся, к тебе тут пришли...

Сашка вышел.

— Нуу, Ромка...

— Сашка, Сашка, пилу не надо, не надо... не ходи к Моряку, не надо, Сашка.

— Роомка...

— ... Я хожу, я хожу, я не могу... — Он не удержал равновесия и упал. Опершись руками о ведро с помоями, хотел подняться, но ведро опрокинулось...

Роман сидел в луже помоев, что-то бурчал, хлопал руками по мокрому полу.

На грохот и шум сбежалась вся семья: мать, отец и младший брат Сашки.

— Уууу... Куда он теперь? — тихо сказал отец.

— Дома не оставлю! — мать взбесилась. — Дома не оставлю! Волоки его, Сашка, отсюда!

— Батя!? Куда его, батя?

— Что, к Иринке поведем. Больше никак,— отец был спокоен, он уже одевался.— Что стоишь!?

После отцовских слов успокоились и остальные...

Романа было вести трудно: везде скользко, сыро и лужи. Хорошо, что впереди бежал младший брат Сашки, Витька. Он деловито покрикивал: «Тут лужа, тут лужа! Тут токо снегом можно!» На полпути Роман немного протрезвел, но от этого начал только «придуряться»: поджимал ноги, виснув на мужиках, пытался вырваться и стонал, чтоб его оставили подышать. Под конец он перепутал Сашку с женой, стал приставать к нему с ласками, хватая за колено и крича: «Какая ты, Ира, сдобная! Какая сдобная!»

...Ира долго была ничего непонимающего мужа. С ревом горланила на весь дом, забившейся под одеяло, дочери: «Любка, он нас продал! Этот алкоголик продал нас, Любонька?»

Утром Роман отдал моряков аванс Ире, та взяла. Люба, проспав, в школу пришла только ко второму уроку. Некоторые почему-то косились на нее с интересом и смешками. Почти вслед за Любой в класс заглянул старшеклассник Витька. Он, подмигивая ребятам, в вразвалочку прогулялся вдоль доски туда — обратно. Потом подошел, к сидящей на своем законном учебном месте, сжавшейся сейчас в комок и забитой взглядами, Любе, облокотился о парту и «прошептал»: «Ну че, отец-то вчера с запашком пришел?»

— Опрокинул вчера на себя ведро помойное,— обратился Витя уже ко всем,— и сидит, как поросенок. А потом, вообще корки, когда уже домой вели, Сашку стал за яйца хватать... Голубой, что ли, какой-то!

В школу Люба не ходила несколько дней. Ира на прогулы дочери не обращала внимания, только ставя их Роману в упрек. Наконец за Любой пришел директор школы, узнавши в чем дело.

...Так как в деревне у многих ребят отцы пили, Любу больше не преследовали. Прошло время, и потерявший совесть Роман был уволен из колхоза. Теперь он пропал только на «кальмах» у Моряка: даже носил дрова и воду. По деревне говорили, что Ира от него отказалась. Роман часто не ночевал дома, заснув у своего «хозяина» на кухонном полу. Что-то случилось с Романом, нарушилось в его голове, лопнула какая-то капсула с едучей жидкостью, растекшейся по всему мозгу.

...Бывший бригадир, с отличием окончивший техникум, теперь не мог протрезветь, даже когда не пил несколько дней. Жена и дочка казались ему обузой, данной в наказание за что-то.

В конце мая Моряк созвал к себе мужиков, строивших ему хлев, на день рождения. В доме, в такие теплые деньки, когда все начинает зеленеть, и уже выпускают коров, сидеть душно и неохота. Пошли на природу, опустились к неширокой, но красивой реке Ильменьге. Моряк расстелил скатерть, стал доставать закуску.

— Вы, мужики, разбирайте стопочки, наливайте.

— Ты хозяин...

— Нет, нет, пока я разложусь...

Кто-то потянулся за бутылкой. Роман, любовавшийся Ильменьгой и березками на той стороне, распутившими почки, сказал:

— А давай, мужики, будем купаться.

— Ты не дури, Ромка, опять у тебя зашиб,— ответил за всех, жевавший кусочек сала, Сашка.

— Вода больно холодная,— добавил кто-то.

— Ну давай, мужики... За твое здоровье, Моряк, имени не знаю...

— ...Моряк — и ладно...

Они выпили по несколько стопок. Роман снова заладил свое.

— Пойдем купаться,— говорил он пьяно и упрямо.

— Холодно, дурак, вода холодная. ...Замерзнешь...

— Пойдем купаться. Пойдем... Я пойду один...— Он встал.

— Куда, пропустишь ведь. Держи!

— А, держать!?! Буду держать...— Роман опять сел и выпил. Но упрямку его, стержень, который не давал приспособливаться к изменениям жизни, не смог сжечь даже спирт. Правда, изуродованный водкой, не имеющий подпитки извне, стержень этот стал примитивной, идущий поперек общего мнения, палкой, что суют в колеса.

— А я пойду купаться,— сказал Роман неожиданно и встал. Сашка успел ухватить друга за пиджак, но тот сбросил его, сбросил и рубаху, оставшись в замызганной майке.

— Дурак,— сказал кто-то.

Роман, сильно шатаясь, шел к реке. Сегодня его развезло быстрее, так как начал праздновать день рождения он еще вчерашним вечером.

— Ну что, кто пойдет купаться... Никто что ли?

— Вода холодная!

— Холодная!?! — Ромка глянул на реку, потом снова на мужиков.— Холодная, значит нагреем,— тупо заулыбался он.

Ромка пошел к старому гнилому плотнику Клавдии Андреевны, с которого та раньше полоскала белье. Небольшой деревянный плотик уже давным-давно кем-то хозяйственным был привязан к берегу тросом, и лишь поэтому не уплывал в половодье.

— Сейчас нагреем, сейчас мы вам нагреем,— все еще улыбаясь, бормотал Роман. Он ступил на плотик, сгнившие доски, насланные на бревна, проломилась.

— Утонешь, дурак... Э!?!..

Роман ступал дальше, отживший свое, намокший плотик немного погрузился под его тяжестью.

— Вам холодно!?!.. Я нагрею, я нагрею...— Он расстегнул ширинку и хотел... но доски снова проломилась. Роман не удержался и, как-то смешно раскинув руки, упал головой вперед, Потом еще раз шевельнулся и замер.

— ...Рааман, вставай, не притворяйся. Ро-мик?! — сказал один, шутя.— Вставай, а то выпьем без тебя! Держи!

— Что-то не так,— вскочил Саша, выкинув налитую стопку.— Что-то не так!

Он забежал в воду, приподнял голову Романа.

— Ромка! Ромка!... Он головой об железину стукнулся! — зло повернулся Сашка к мужикам.

Роман стукнулся головой о, не знаю зачем, забитый огромный, кованый еще в кузнице, гвоздь, который, потеряв шляпку, вылезал теперь из прогнивших досок и бревен, острым штырем, стоящим сверху.

На следующий день Люба снова не пошла в школу, но теперь по другой причине.

УЖАС

Вечером к Кате пришла соседка по лестнице. Мать двух детей. Старшему десять.

Соседка третий месяц ухаживает за свекровью, которая не встает с постели. Так что уже и работу пришлось бросить. Все разговоры сводятся к одному — болезни свекрови.

— ...Младший придумал: «Возьму баночку с таблетками и трясу». А то ведь стонет и стонет, днем и ночью. ...им уроки надо делать... Ваня все перепробовал: и свистел, и кричал, по батарее колотил... А Коля, младше, а ... и смешно и грешно. Ужас. ...Мой сегодня... — «Дорежь...» Ужас...

...А утром соседка пришла снова. Остановилась в темно затененной прихожей:
— ...Умерла.

ГИМН

БУБЕНЦЫ

Над темной осенней рекой нависла старая черемуха. На ее самых тонких, будто нити, веточках, почти дотрагивающихся до воды... намерзли прозрачно-белые округлые льдинки. Ветер покачивает черемуху, льдинки, касаясь друг друга, слегка позвонивают бубенцами.

Откуда взялись эти бубенцы? Кто их повесил?

...Похоже, до приморозков вода в реке была больше, и валил густой снег. Упав на воду, снежинки, как бывает, не таяли полностью — их, сбившихся на переборах кучнее, несло течением словно рваные клочки размокшей тяжелой ваты...

Вот эта вата и удержалась за опущенные в речку ветки черемухи. После заморозков вода в реке спала, кое-где появились забереги. А на черемухе сказались бубенцы.

В ВОЙНУ

...У матери тогда телята на телятнике начали дохнуть. А она не может ничего, избобилась, заболела. Лежит на кровати пластом; застонет иногда сильно-сильно. Ириша в зыбке не ревет — мне качать не надо. Сашка с Манькой уже большие — где-то чего-то делают. ...Витька еще дома. Он меня на два года старше, а тогда совсем карличек был. На подоконник (велики ли окна), веришь — нет, скочит! И помещался. Чуть только голову приклонит, за косяки руками придряживается, что-то все на улице высматривает. И тогда тоже смотрел... Вдруг! как спрыгнет на пол.

— Идет!!!

А кто идет, чего идет? Я в рев. И реву, и реву. (У меня слезы близкие, но быстро и высыхали.) Слышу, кто-то застучал на мосту, затопал громко-громко. Я реветь перестала, за сундук спряталась и совсем не шевелюсь. А Павел Иванович, председателем тогда был, вошел, поздоровался. Никто не ответил — Витька тоже боится, стоит рядом с матерью. А Павел Иванович к матери подошел. Спина вся в снегу, — мело тогда сильно... в правой руке шапку держит... Подошел, постоял, постоял, опустил перед самой маминой головой на колени (у него спина была надорвана, наклоняться не мог). Долго присматривался к матери близко-близко, ухом прислушивался. Потом и сказал:

— Что ж ты? Что ж ты делаешь-то, Лидия? Лидия, Лидия. Фуур с эма с телятами! Пусть... У тебя же пятеро детей! Лидия!?

Постоял еще, повсхлипывал. А снег на спине так и не растаял, белеет... Поднялся после с трудом, на Витьку посмотрел и ушел.

И не померла ведь мама. Не померла! Выкарабкалась. С того света воротилась. Здоровее только еще стала. И нас всех вырастила. Одна.

НАЛИМЫ

Глубокая осень. Лист с деревьев осыпается, а снега нет. Льда на реке тоже. Он, от последнего приморозка, тонкий как стекло, только на лужах.

Вдоль лесной речки тянется узкая тропинка вся усыпанная опавшей, смерзшейся теперь, хрусткой под ногами, листвой. По тропинке идут два охотника, идут с шумом, разрывающим приречную тишину.

Один из охотников лет шестидесяти, седой, голубоглазый. Сухопарый и высокий. Николай. Второй, Мишка,— лет сорока. Ростом поменьше и телом поплотнее. Волосы черные, как смоль. Лицо скуластое, усы густые, верхнюю губу закрывают.

Оба в резиновых сапогах, широких шерстяных брюках, в суконных серых пиджаках, в шапках лесорубов. У обоих большие набитые рюкзаки, ружья: у Николая одностволка за правым плечом, у Михаила — двустволка, ремень ружья перекинут через голову, так что за спиной оно наискосок. Охотник торопятся.

В пересохшем староречье, луже, лужице, которая едва больше, чем след лошадиного копыта, но глубокая, словно выкопанная, Михаил, шедший первым, проломил носком сапога ледок...

— Стой-ка, Мишка! Смотри! — Николай перекинул ремень ружья через голову, присел к лужице и стал отламывать пальцами оставшиеся льдинки.

— Мальки! — догадался Михаил.

— Уже не мальки, но малыши совсем. — Николай окунул в лужицу ладонь и осторожно-боязливо приподнял в почти разжатой горсти двух темноватых, сразу выскользнувших, рыбок. — Налимчики как будь?

— Налимчики,— кивнул Михаил. Улыбнулся: — Кишит?! — ...тоже присел на корточки, но слишком резко, рюкзак перевесил и Михаил упал на спину. Тут же встал,— и снова к Николаю. Снова присел на корточки, наклонился совсем низко над лужей, так что двустволка Михаила стукнула о одностволку Николая. Николай поднял голову и взглянул на Михаила.

— А давай, Мишка, выручим налимов?

— Давай.

Поставили ружья к Ольшине, от рюкзаков высвободились, расправили плечи и принялись друг за другом налиమ్ью мелкоту пригоршнями из лужицы черпать и к реке носить. Зачерпнут... — поднимут: у каждого в пригоршне по три-четыре! изгибающиеся, выскользнуть торопящиеся рыбки...— к груди ладони с живым чудом прижмут, чтобы ни одна из рыбок не потерялась,— и к реке. Собаки бегут вслед за хозяевами, а понять ничего не могут.

Уже в избушке, поздней ночью, Николай проснулся от едкого запаха сигаретного дыма. Сразу спросил:

— Ты чего не спишь?

— Да думаю... — В темноте избушки на секунду показался огонек — Михаил затянулся.

— Чево думаешь?

— Да все курю, курю,— не могу успокоиться.

— Да вот думаю... — Он снова затянулся и затушил сигарету в консервную банку, которую, похоже, похоже, привычно держал левой рукой у груди. — Думаю, лужа от реки далековато. А налим икру зимой мечет. Как он туда попасть смог? ...Конечно, может, река в староречье заходила, и вода там была; а по весне замыло. А, может, мальков по большой воде самих туда принесло. Не знаю... Я спать сейчас.

Михаил поставил банку-пепельницу(слышно как стукнулась), но сразу не лег, а еще посидел минут пять так. Потом забрался в свой спальный мешок, поворочался немного и вскоре притих...Николай странно растревоженный, ждал этого. Он чувствовал, что не уснет до утра. Почему-то боялся пошевелиться. Лежал на спине с широко открытыми глазами, словно что-то увидел в темноте. Думал.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЯТНИЦА ПЕРЕД ПАСХОЙ

Кривулина, болванка на сани из березки, выросшей с комля круто изогнутой, у Сашки была заготовлена еще осенью. Шел на лыжах с охоты, увидал и нужной дли-

ны вырубил. Но когда на плечо взвалил — одумался. Тащи такую! Надо сперва обла- дить — легче станет. Охотничьим же топором-малышкой... тесать не к сердцу.

Вынес кривулину на полянку, в снег кинул, а место запомнил... и вот теперь уже, весной, как только начали открываться поля, пошел,— чтоб зазря не пропала.

Снега еще много. Но ничего, ничего,— где бугром, где по ельнику,— вышел на примеченную полянку. Глянул, точно! Лежит! На солнышке вытаяла, слегка покрасневшим отрубом выказывается.

Подошел к кривулине. Постоял. И дальше зашагал. Там, на другом краю полянки, береза стоит,— на топорище замечательная, рубчина загляденье... Надо посмотреть, как она.

До березы дошел до самой. На взгорюшке выросла. В широко оттаявшем вокруг ствола кольца, сереет прошлогодняя слежавшаяся трава, высохла уже,— под ногами, как ступил, ломким шеркотом отозвалась.

Ладонью березы коснулся.

— Стоишь!?! Хорошие из тебя, девонька, топорища выйдут, вековечные.

Ворона прилетела. (Откуда и взялась.) Села на березу, закаркала.

Запрокинул голову.

— Что?..

Как! В затылок стукнуло; в глазах помутнело, побелело... Когда голова опускалась... заметил: что лишь самый комель березы не в тумане — корнями в землю уперся... Его руками и охватил, щекой прижался.— «Ширшавый». Отдышался. И пошел потихоньку, как старик совсем, со вздохами. «Какие санки, какая кривулина. Топорище! Дойти хоть...» — «А что ты хочешь? Пост. Последняя пятница перед пасхой». — «С вечера ничего не ел,— конечно. Конечно,— не ел ничего с вечера... Со всем я что ли...»

...К кривулине подошел... «Аахаа». «Ну-ну». Достал топор из-за пояса — («Батя ведь этак носить приучил») — и рубанул. Еще раз! Еще!

Ууух!

Легонько прошелся вдоль по всей кривулине с внешней стороны изгиба,— этой стороной полозья новых саней скользить будут. Теперь надо с внутренней стороны... с внутренней стороны, выбирать намного больше. Сначала сделал несколько глубоких, глубже сердцевины, зарубов,— чтобы не скололо. Вытер рукавом выступивший на лбу пот и принялся счесывать. Осторожно выбрал изгиб. «Ладно как». Стал полоз намечать. «Как ладно». Топор больно ловко щепу снимает. — «Помогают мне! — все обладил,— красавица!»

— Ой какая! Ой какая! — Саня, оперевшись о топорище, присел перед чистой древесной белизны кривулиной. Взявшись рукой за ее изогнутый конец, поводит осторожно по истоптанному усыпанному щепками снегу. Потом заулыбался, заулыбался чего-то. Засмеялся тихонько; с неожиданными слезами... Вдруг, затаив дыхание, прислушался...

— Прилетел! Прилетел журавушка. Поздоровался. В пору. Снежок по буграм стаял... И тебе тоже здоровья хорошего! — Во весь рост распрямился. Заткнул топор за пояс. Кривулину на плечо закинул... А она вся в снегу. Так что осыпал себя зернистым снегом.

— Пойду уже!

Дома, как высохнет, распустит пилой облаженную кривулину на два полоза, острогает. Все сработает. Потом свяжет две готовые половинки черемуховыми прутами — будут корневушки-сани.

